

#ЭТЮДВНОЧИ

Мария (Манюшес)

Свешникова

18+

Мария Свешникова

#ЭТЮДВНОЧИ

<https://litres.ru/74054499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник коротких рассказов и зарисовок, созданных автором в течение 11 лет. Это и игра воображения, и личные переживания, и шутки. И, конечно, очень много Любви. Без нее #этюдвночи попросту не случились бы.

Содержание

Предисловие	4
Импрессионизм	7
Сокровенное	75
Конец ознакомительного фрагмента.	94

#ЭТЮДВНОЧИ

Предисловие

Первый #этюдвночи появился больше 10 лет назад безо всякого названия. Это был действительно этюд (набросок), написанный действительно ночью – как способ проживания тяжелого физического и психологического состояния, в котором я оказалась после долгой комы и реанимации.

Этюды не были заданностью, они приходили и приходили. Иногда по одному, бывало и сразу несколько. Порой не появлялись неделями. У некоторых отсутствовал сюжет, другие стали вполне осмысленными высказываниями, превращаясь в небольшие рассказы. Третьи умещались в одну или пару строк.

Людям понравились этюды в ночи. Я часто слышала – хорошо бы их издать, но тогда я не представляла себе как это сделать (да и кому они нужны напечатанными тоже не понимала). Тем не менее я собрала их в один файл, и несколько лет этюды лежали, поджидая своего часа.

Видимо он настал, потому что недавно я открыла документ, отредактировала записи и даже поделила их ради вашего удобства на несколько глав, убрав все посвящения, кроме единственного.

Деление получилось условное, потому что некоторые этюды можно отнести сразу в несколько разделов. Тем не менее открывается книга главой «импрессионизм». Во-первых, потому что они – первые – такими и были: впечатлениями, сиюминутными зарисовками, в которых важны не детализация и четкая прорисовка, а изменения и динамика света, погоды, времени суток, мира, звучания. А, во-вторых, я люблю художников-импрессионистов.

Рубрика «Сокровенное» скрывает самые личные этюды. Они необязательно обо мне, скорее это у меня к ним личное отношение. Возможно потому, что их сюжеты по большей части драматичны, правда попадаются и прелестные или забавные случаи.

Название «Рассказы и сказки» объяснять не нужно. Хотя, признаюсь, некоторые из рассказов я отнесла в другие разделы. И, конечно же, здесь вы тоже найдете и элементы импрессионизма, и довольно личные переживания.

«Путешествия». На самом деле в поездках появлялось гораздо больше этюдов, чем опубликовано. Но что-то я не нашла, а другие пришлось удалить по причине их незначительной художественной ценности. Зато оставшиеся мне милы и кажутся вполне симпатичными, подходящими для этой главы.

Последней я придумала небольшую главу «Подражания». Их, похожих по стилю на произведения известных авторов, очень немного, поскольку я никогда не ставила себе зада-

чу копировать кого-либо. Так что «Подражания» - это скорее игра, сиюминутный порыв. В этой же части я оставила и этюд-посвящение (на самом деле еще один есть в первой части) Почему-то мне показалось важным оставить его в таком виде.

И уж чего я совсем не планировала, так это этюда-эпилога. Но, перечитав его, я поняла, что он обо мне – сегодняшней. Что как нельзя лучше завершает цикл под названием #этиудвночи.

Импрессионизм

Ты разделяешь мою боль. Не со мной.
Просто дробишь ее на мелкие камушки,
Приготовив их к подаче горячего
Маленькими порциями эстетизма.

Звуки причиняли боль.

Сначала они скатывались от глаз, алмазными гранями царапая лицо до кровавых потеков.

Затем спускались вниз, царапая кожу на горле визгливыми нотками, доходя до сердца скрежетали ржавой пилой по железному пруту. А чуть ниже бултыхались ритмом бас-гитары, вызывая отвратительный комок тошноты.

Звуки причиняли боль, превращаясь в слова, из которых проступала картина. Огромный уродливый белый квадрат (хотя как квадрат может быть уродливым), а по нему оранжевые и серые полосы – будто капризный ребенок топтался, заходясь в истерике перед уставшей матерью.

Выхода не было, кроме как забыть. Но забыть не получалось, потому что едва воспоминания начинали рассыпаться в слова, а потом и звуки, как снова подступала боль от звуков.

Впрочем, что такое воспоминания.

«Не оглядывайся», разнеслось в воздухе.

Как всегда, при категоричном приказе обожгло нестерпимое желание поступить наоборот. Голова будто сама собой начала разворачиваться, но мысль пронеслась быстрее: послушайся, узнай причину, хотя бы раз поступи наперекор себе. Узнай, что тебя ждет, если не решать все самому. Если дать понести тебя. Или, хотя бы поддержать.

Противоречивые желания раздирали пополам. Правильный выбор – будет ли он правильным?

- А что это за легкий запах миндаля от соуса из нектаринов?

- Цианистый калий.

- Так я и думала. Можно мне еще ложечку?

Содрогнувшись всем телом, привскочила, от чего тело пронзило спазмами, то ли бросило в пот. Так бывает, когда тебя разбудит нечто непредвиденное.

Резко попыталась встать - надо было понять: что она и как здесь очутилась.

Сил достало лишь повернуться на спину. Из чего она сделала правильный вывод, что лежит. Где? Ясно же, что не до-

ма, а она практически никогда не спала вне своей постели.

Сон окончательно ушел, отчего в ушах появился ритмичный стук колес.

Поезд.

Мало того, что она спала, это происходило в поезде. Но как-то слишком удобно. И рядом явно никто не пыхтел, сопел. И даже не дышал.

Она была абсолютно одна.

Подняла голову: корона лежала на соседней подушке.

Вместо того, чтобы продолжить вспоминать или догадываться, она улыбнулась, закрыла глаза и заснула тем утешительным сном, который Бог посылает только настоящим императрицам.

Посвящается Елизавете II

В осознанном выборе одиночества кроется счастье полноты жизни и смиренное приятие крестного страдания.

Неплохо, кстати, окружить этот путь восхищающимися тобой и твоим подвигом поклонниками.

Все же Лис был прав, когда отправил Маленького Принца смотреть на другие розы: они совсем не такие, как его избранница. Таких больше нет. И не будет.

Завтра все изменится.

Она распласталась неловко, глупо, отчетливо понимая, что выглядит уродливым горбом, а не подраненной белоснежной птицей или сугробом чистейшего снега. Попыталась встать и снова упала...

В юности ей часто снилось, что она переходит дорогу. Идет по переходу, но потоки машин в обе стороны не прекращают движение, а потому ей приходится лавировать, уворачиваться. Кажется, удалось, но посередине незаметный пригорок. Она неловко подворачивает на нем ногу, падает и катится кубарем. Пытается встать, отползает, но машины надвигаются, и ей снова приходится ползти, отчего байковая в цветочек ночная рубашка задирается на голом теле до пояса. Ей неловко, страшно, но ни одна машина не остановилась, а люди на тротуаре не сделали ни малейшего движения, чтобы помочь: кто-то не замечал, другие наблюдали с интересом за ее потугами спастись. Наконец, вся в пыли, грязи и ссадинах, она доползла до тротуара и пошла домой, абсолютно уничтоженная внутренне.

Прошло 35 лет - сон стал явью. Она упала. Днем. Под ярким летним солнцем. Столько раз уберегалась зимой, на скользких осенних листьях, а тут ни намек на подножку природы. И такси, ехавшее с приличной скоростью, притормозило, пропуская ее. Она кивнула: благодарю, сделала два шага и — очнулась на асфальте.

Хорошо, что не в ночной рубашке, мелькнула первая мысль. Обидно, что вся в белом — вторая. Попробовала

встать — нога отказалась. Снова подвела нога. Пока пыталась освоить вторую, боковым зрением заметила, что таксист остановился и готов выйти, да и еще пара машин притормозили, явно не из любопытства. А по улице к ней бежали несколько человек — помочь подняться. Дворник встревоженно шагал в ее сторону.

- Очень больно? - Участливо спросила немолодая женщина.

- Очень. – Кивнула.

Пока добиралась до квартиры, подумала, что сон и сбывается, и не сбывается. Упасть оказалось очень больно, но совсем не страшно. Встать помогут.

Бесценные мотания по квартире. Она улыбнулась вышедшей в результате опечатки игре слов. Вышло мило. Бесцельные – так пошло в своей тривиальности. Впрочем, сути ее нынешней жизни слова не меняли, как ни старайся. А так бы хотелось написать, сочинить невразумительную сумятицу мыслей и все исправить.

Именно все, а не кусочек, обрывочек. Не поставить новую заплатку, делая вид, что от нее жизнь обрела новый смысл, изменить сумятицу.

Хуже всего было то, что она точно знала – это возможно лишь в одном случае. Но вот именно этого единственного случая и не хватало ее полной различными всевозможными

случаями жизни.

Задержала в руке томик детектива – разве почитать. Положила на место: в отличие от ее жизни финал тошнотворно пах неизбежностью – каждому преступнику воздастся по заслугам. Каждому, но не ей.

Не ей. И не сейчас. Никогда, плавно переходящее в Вечность.

Звук капель, бросающихся на жесть крыши, – в какой-то момент стало казаться, что каждая их них, ломая смыслы, разрывается в голове.

Кретин – он почти крестьянин – тот же христианин. Иногда проще не знать, не задумываться о том, как однажды кто-то принес себя в жертву ради Христа, превратившись в юридивого, за что ернически, издевательски был прозван кретином в назидание остальным. А другой так хорошо пахал, сеял и собирал, что благодарные потомки назвали его крестьянином, труд которого благословлен Христом.

Кто из них чище, выше, правильнее? Тот, кто будто не заметив дождя, устроится на ночлег в луже, или другой, который, выглядывая из окна на орошаемые поля, поблагодарит за каждую каплю.

Какой путь уготован мне, считающей непереносимым стук капель, бросающихся на жесть крыши.

Ключи были повсюду. Разные.

Они лежали возле уставшего Петра, постаревшего, пока он сверял-вычитывал в старинном фолианте имена - пускатель ли.

Будто нарочно оставленные, они валялись на коврике у той самой двери, которую украшала ручка, ухмыляющаяся мордой гаргульи.

Еще один подмигну ей карнавальной маской потерявшей смыслы Алисы.

Чуть позже она разобралась: на самом деле ключи были одни и те же, менялось лишь их сочетание. Один за другим их нанизывали на здоровенную гроздь ключей от старых, бывших квартир. Они позвякивали на тяжелой, будто вериги, связке, оказывались прикованы к пульту давно неработающей сигнализации.

Найти бы дверь.

Квартира пахла старостью. Ее старостью.

Родиться под алмазной россыпью звезд.

Вовремя осознать предназначение быть гением.

Еще более вовремя постичь участь гения - одиночество. Научиться в ней жить, доставляя людям счастье своим стра-

данием и талантом.

Стать бессмертным.

Почему иногда хочется раскинуть-распахнуть руки в стороны и вот так идти по улице, счастливо горланя любимую песню.

Почему этого хочется в любую погоду. Пусть ветер или дождь тебе навстречу и в любой точке мира? Нет, не бежать, именно идти.

Почему обычно так сделать неловко стесняешься, зажимая, пряча эту чистую сердечную радость где-то глубоко внутри и степенно движешься, будто покрытый броней.

Почему...

Лениво встал, раздумывая над образом.

Решено.

Зачесал лысовато-блондинистые кудри назад - на манер творческой личности, протер пыль с папки для этюдов - сегодня он будет художником. Зашел в храм - охота оказалась неудачной, летом там совсем не было девушек на выданье.

Чтобы не привлекать внимание, пришлось написать записочку и сделать вид, что кладет пожертвование за нее в ящик. Сунул еще в парочку, благо в центре церковью понатыкано и в каждой обычно полно девиц, завести знакомство нет

проблем, а тут - пусто.

Раздосадованный, открыл дверь хипстерского кафе - вдруг повезет - но были одни парочки. Бармен так покосился, что пришлось достать из кармана стеклянного пиджака одну из последних сотенных и, небрежно помахивая этюдником, на все кафе подать реплику:

- Эспрессо. Без сдачи!

Занял центральный столик, перегородив дорогу этюдником, но замечаний не последовало - утром никто не хотел скандалить.

Ему и в голову не могло прийти, что он не похож на художника, парня в поиске невесты или молодого человека. Посмотреться в зеркало, чтобы увидеть отражение, - одна из труднейших задач героя нашего времени.

Ей стало неудобно помещаться в организме.

Каждая частичка тела кричала о том, что требует переустройства, реорганизации, но как бы ни менялись формы, какие не принимались позы, облегчения не приходило.

Зато подступало отчаяние. Так резко, неотвратно и злобно, что через какое-то время от него не было сил отмахиваться.

«Прожить ее надо так, чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы»... - тоскливо засмеялась она на цитату советского классика, отчетливо понимая, что годы-то как раз

перечеркнуты красным крестом как бесполезные.

Абсолютно.

Я полюбила вас...

Она лежала на влажных простынях.

Сил не было. Ветра тоже. Поэтому ночь не остужала разгоряченное тело.

Выпростала спутавшиеся, слипшиеся волосы: ее ужасно раздражало всегда, что они прилипают к шее.

Простыня мешала думать.

Включить свет, сходить в душ, поговорить... Сказать.

Засмеялась свободе произнести и почти что выдохнула:
«Я полюбила вас.. Всех».

Мгновенно уснула.

Было так холодно, что рассвет решил припоздниться. Петухи, надо сказать, отметили это полнейшим неодобрением. Первый раз они принялись будить землю в положенное время. Вышло скомканно, скукоженно. Все из-за того, что они никак не могли найти его, - рассвет.

Он же осмелился высунуть нос лишь к 11. И уж тут петухи вдарили свою песнь восхищения Авророй изо всей мочи.

Дело было за Солнцем.

Птицы появились из ниоткуда. Стаи, тучные стада мрачных черных птиц.

Их будто приносило ураганом, потому что они явно сопротивлялись собственному полету.

Казалось, они возмущенно кричат, но сквозь закрытое окно ничего не было слышно.

Этот беззвучный крик делал их полет еще страшнее.

Конечно, она вспомнила Хичкока. А может его «Птицы» сделали ее фильм таким ужасным.

Хотелось закрыть лицо руками, не видеть этого черного облака мрака, но оторваться оказалось невозможно. Поэтому она смотрела до боли.

Сердечной боли.

Чиркнул миг и его нет. Или есть?

Ты тут и уже не здесь.

Свет проносится мимо. Но тьма не побеждает.

Редкое мгновение отчуждения и абсолютного единения с природой. В нем нет смысла. В нем нет ни капли фальши.

Это победа.

Они слыли уродами.

Мерзкими.

Раньше их называли платаны. А потом кто-то решил, что именно они виноваты в гибели человечества. И их уничтожили. Вырубили. В нескольких местах оставив уродливыми корягами с шишками, оглоблями и нахлобучками.

Так они и жили, понимая, что ничего не ждет. Никогда.

Пока не вставало солнце. Шишки мягчели, коряги выпрямились, а оглобли прорастали побегами.

Любви. Веры. И надежды на вечную жизнь.

Белые хлопья, кажущиеся зимней сказкой под атласным светом заходящего солнца, оказались кусками химической соли, разбросанной дворником-таджиком.

Белые хлопья, кажущиеся зимней сказкой под медовым светом латунного фонаря, ближе к земле чиркали по ногам грязью косых мокрых линий.

Мир, разделившийся на сказку и ложь, объединился в сказочной лжи.

А когда ты поверил, что нашелся выход, оказалось, что выбора не существует.

- Я не звоню тебе, не потому что... У меня совсем нет сил. Но я все время помню, что надо перезвонить. Слушай, я хотела попросить твоих девочек...

Мысленно проговаривая монолог (то ли я произнесу его в трубку, то ли напишу - еще не решила), я выдавливала

зубную пасту на щетку, машинально отмечая, что она стала вдруг какого-то зеленоватого оттенка. Что вместо того, чтобы остаться сверху кусочком с задратым вверх хвостиком, неожиданно начала впитываться вглубь щетки.

Внезапно над ней взмыл вверх и поплыл к носу мыльный пузырь новомодного геля для душа.

Глупо было попасться на классическую разводку.

Она проснулась от внезапно пришедшей в голову мысли. И, кажется, произнесла это вслух.

В груди привычно восстала боль. Полезла, расползлась вширь и вглубь.

Соединилась с мыслью.

Стало ясно: болит чужая ложь.

Почему чужая - своя, родная. Сказанное в ночи - не приезжай, не надо, не могу - осталось бы в том времени.

Но игроки оказались настолько самонадеянны, что мир запестрил фотографиями, и правду стало бессмысленно скрывать: не приезжай сказали только ей.

Засмеявшись, принялась сворачивать боль поуютнее в груди:

- Спи, моя радость, усни.

Звезды падали слезами дождя, осознавая тщетность уси-

лий превратить его в снег. Вернуть зиму.

«Значит, днем снова не будет солнца. Хмарь завладеет воздухом, и он станет настолько плотным и вязким, что мне опять не взлететь». Сняв крылья, аккуратно сложила их, чтобы занимали поменьше места и убрала на полку рядом с ненадетыми украшениями. Содрогаясь от бессильной жалости, звезды рыдали, закрывая корчащийся в бессловесном крике рот всеми имеющимися лучами.

Сесть спиной к жизни.

Даже если сесть спиной к жизни, все равно увидишь глаза.

Ты увидишь мои глаза. И слезы в них.

Те слезы, что я скрывала от всех.

Тогда я встану-обернусь и увижу

как пустые ящики старинного стола закричали о предательстве

как обескниженные полки укоризненно замолчали о потере,

а пустые вешалки разбрелись по пыльным углам.

Потому что что одежда была теперь ни к чему - хоть обходись нагой.

Ты ушла, чтоб начать игру в декабре. Снова ушла.

Ты ушел, чтобы вернуться чужим.

Я НИКОГДА НЕ предам тебя, клялся каждый.

Забыв, что петуху не понадобилось третьего раза.

Сесть спиной к жизни...

Бровь привычно изогнулась – кажется, уже и морщины были уложены в этом чудаковатом иронично-недоуменно-критическом изломе.

Откуда взялась эта странная привычка артистично приподнимать бровь теперь уже не вспомнить. В молодости она пользовалась ею безо всякого стеснения – парни шалели. Не приставали, скорее побаивались. Даже отъявленный хулиган района с уважением относился, не только пропуская сквозь «его» двор, еще и напоминая чужакам - ЭТУ трогать нельзя. Что позволяло безбоязненно ходить по самым темным уголкам родных улиц.

Позже привычка куда-то делась. Зачумленная, замордованная жизнью, она позабыла не то, что поднимать саркастически бровь. Иногда она понимала, что, смотрясь в зеркало, видит отдельные составные части лица, а не любит отражением. Вот глаз – веко опустилось, бровь давно неухожена, губы провисли скорбно-жесткими складками, кожа покрывается какими-то пятнышками, паутиной неприятностей. При таком отношении к себе было не до мимического театра. Когда бросаешь недовольный взгляд на себя, стремясь поскорее избавиться от изображения, нечего и ждать от отражения счастливого заигрывания с судьбой.

Но однажды в ночи вспомнилось, и она подошла к зерка-

ду. Не включая света, кроме ночника – на всякий случай. Попробовала изогнуть бровь...

Ничего не вышло: лицо, будто у железного дровосека, заржавело, заматерело в устало-скорбном и безнадежном выражении. Выхода она видела два...

Продолжение

...Выхода она видела два.

Первый — самый очевидный - признать ничью. Тогда обычно судьба (Бог или фортуна) решает смилостивиться и дает прожить, вернее, просуществовать в безвременьи, безнужности, беспощадности еще какое-то время. Они, надо признать, любят пораженцев. Нет, подняться не дают, зато позволяют влачить существование довольно долго. Порой, десятилетия.

Отдавший душу на откуп им уже и рад попросить о помиловании, но ему еще предстоит узнать, что в том небытии пощады не существует. Подписал, скрепил договор кровью — владыка теперь другой.

Второй вариант был рискованнее. Она посмотрела на кровать, понимая, что, возможно, в ближайшее время ей не придется оттуда встать. Но все же смотрела не на подушку, а в изголовье, где стояла книга. Она теперь там находилась постоянно. Вместе с Библией.

Детская книжка с прорезными картинками «У Иосифа

было пальтишко» — мечта детства. Пара фраз на каждой странице, все остальное — лубок, упрямо ведущий историю к финалу. Казалось, такому же трагическому, который предполагал первый вариант.

И только текст на последней странице менял все. Кардинально.

Бровь изогнулась сама по себе. Она улыбнулась своему умению. Выход был только один: «Всегда можно сделать что-то из ничего».

Всегда.

Вариации.

Выхода она видела два.

Забыть. Забыть себя, нелепо вздернутую бровь, хулиганов и одноклассников. Родственников и чужаков.

Отныне никаких пересечений, лучшие пути – параллельные, когда плоскости крутятся, двигаясь постоянно, но никогда не пересекаясь. Параллельные миры не затрагивают тебя. По крайней мере не так, как личные встречи. Они помогают удержаться, не оступить в зыбкую вязь отношений, неизбежно причиняющих боль.

Люди забыли прописную истину: ты в ответе за тех, кого приручаешь. Сделали вид, что не знали о ней. Бровь – она шла приложением к ним. Возможностью управлять, манипулировать. Но управлять больше никем не требовалось.

Второй вариант казался куда сложнее. Принять и полюбить.

Колесо обозрения завершало круг петлей американских горок имени китайского дракона.

Хвост его был металлически и гибок. Он легко покачивался над бездной, намекая, что исход один. Что выход будет там же, где вход. Что эскалатор неумолимо движется вниз. И есть только одна возможность его перехитрить: изо всех сил каждую секунду карабкаться наверх.

Он обстукал под коленкой нервическую нотку, потыкал узлы скрюченных невозможностью суставов, послушал дыхание через дудочку крысолова, под конец надел светящееся зеркало, чтобы осмотреть чистоту взгляда.

Отвел глаза:

- Одиночество в острой форме. В диагнозе не крылось неожиданности, последний месяц она остро ощущала свой удел.

- Рецепт бы.

- Рецепт... - Рука потянулась было к затылку, тут он вспомнил, что решил отращивать лысину до прически «внутренний заем».

Вложил листок с печатью в карту:

- Другого не дано.

Поклонилась.

Выйдя в коридор, открыла на нужных страницах. Там была картинка из книги про Гулливера, когда его лилипуты привязали к земле за все, что можно.

Другого не дано.

О второй половине минувшего дня писать не хотелось. Первая же ломала, корежила, выкручивала руки своей неотвратимостью. Канцлер был мил, хорош собой, вежлив, но опасен хитростью и совершенной непроницаемостью внутри его мыслей.

Утомившись этим противостоянием, на грани поражения, ушла гулять в сад. Бродила долго, пока не увидела спиленный до пня баобаб. И другой, растущий.

И ни одной розы рядом. Зато, из корней неожиданно показался Лис. Будто и не глядя на меня, произнес коронную фразу (как я могла ее забыть): «Самого главного словами не выскажешь. Зорко одно лишь сердце». А потом все же улыбнулся и добавил: «Наслаждайся! Играй! Это все для тебя!»

И исчез...

Маленький принц во мне снова посмотрел на баобаб и только теперь понял, что не надо ничего выкорчевывать, надо научиться с ними жить. И розу не надо под колпак - ей этого не надо, потому что она и так знает, что она - самая главная. Самая важная в жизни.

С этого момента день изменился и подарил тот самый замок, о котором я мечтала вечность. И ту самую луну, которой место лишь в сердце. В воспоминаниях. В душе.

Она не смотрела в угол, где работал телевизор. Зачем? Этот фильм она знала практически наизусть. Любимый фильм. Любимый режиссер.

Вот только в ее жизни все складывалось совсем не так, кроме, пожалуй, многоточия в названии.

В остальном в голове царила странная двойственность. И ощущение осени без лета, которого не было.

Получалось, что фильм начинался с осени, хотя поначалу обещали весну. И заканчивался ею же.

В прошлом году в октябре наступила осень без лета, потом зима без осени, которая длилась до июня. А лето так и не наступило.

Странное, немного дикое безвременье. И оно не зависело от дней недели, месяцев. Вздохнув, посмотрела в телевизор. Туда, где время шло к «...и снова весна». Как и тогда, в 2004-м, когда она впервые увидела этот фильм, было ясно - Ким Ки Дук что-то знал наверняка. Наверное, пора привыкнуть, что осень теперь зовется весна... Но еще не теперь. Не сегодня. Может и никогда.

Из балконной двери ночь пыхнула зябкостью и холодом.

Плед.

Луна, приподнимаясь над прудом, отливала розовой жестокостью. Но добравшись до установленного места вернулась в привычное глазу мертвенно-белое сияние. Смотреть на нее, такую торжествующую над миром, было откровенно неприятно. Но и глаз не отвести.

- Он приблизился со спины, батарея от нее. - раздался знакомый голос.

- Да. Совсем был обатаревший, - ответила, не оборачиваясь, луна.

Засмеялся. Забрал плед и ушел внутрь, плотно закрыв дверь смеющегося до слез сердца.

Белые хлопья, кажущиеся зимней сказкой под атласным светом заходящего солнца, оказались кусками химической соли, разбросанной дворником-таджиком.

Белые хлопья, кажущиеся зимней сказкой под медовым светом латунного фонаря, ближе к земле чиркали по ногам грязью косых мокрых линий.

Мир, разделившийся на сказку и ложь, объединился в сказочной лжи.

А когда ты поверил, что нашелся выход, оказалось, что выбора не существует.

Сплетеньем заговоров, смятеньем мыслишек заглушили стон сердца любящего. До последнего билась, сражалась. Цеплялась воплями, привязывалась косами русыми, обвивалась, воровала, серчала и прощала пропадающая.

Всего лишь хотела своего, но полюбила чуждого. Неспokoйно ей от его неспособности видеть. Тяжко и душно от равнодушия.

Она знает, что ему понадобится все до последнего. Что успокоится он лишь разбив ее сердце в муки сердешные.

И не выжить, не уцелеть главной драгоценности. Той, что в старину именовали Дитя души.

Эйфорию влюбленности сменило отчаяние. А все потому, что ради этого чувства пришлось стараться быть. Казаться лучше. Пытаться стать не собой. Бросить курить, заботиться о внешности и родной матери, начать читать книги и смотреть кулинарные шоу.

Особенно невыносимы были эти идиотские шоу, где «мастер» изображал раздражение, презрение, восхищение блюдами и поварами. Ведь всем известно, что они узнают рецепты заранее и отрабатывают их целую неделю.

Однажды ей удалось выйти в самом начале. В следующий раз изобразить интерес к книге, на третий он догадался. Надулся, замолчал, обиделся. Но, его оскорбленное лицо вы-

звало противное счастье. Ликование. Затем стало понятно - раздражает запах его парфюма. Резкий и сладкий. И манера одеваться. Ну кто носит желтые кеды, желтые носки, брюки, поло и даже свитер - разных оттенков рвотно-желтого?

Он отвратительно ел, смешно мылся. Настолько, что пришлось снова закурить, начать материться, снять украшение и достать из заначки любимые рваные штаны. Которые он, конечно же, не переносил.

Но, когда он ушел, это оказалось предательством.

День сломал стереотипы пересечением непересекающихся прямых.

Сделав причудливый виток, они загремели погремушками на хвостах, пронзительно вытянулись в смертельной пляске, замерли, бессмысленно глядя прямо в глаза холодным прищуром: ты так и не научилась любви.

Не научилась.

Вышел во двор - завел собаку. Не в прямом смысле завел, не как мотор. И не во двор завел - она уже шастала по двору, под руку попалась трехлапая. Вот и завел: все одно без него пропащая.

- Завел, значит, надо позаботиться о прививках, - сказала жена.

Не выгнала с трехлапой вместе во двор - уже хорошо. Только прививки.

Это он мог. Сколько уже сделано - и манту, и от менингита или краснухи – вон, отметины на теле.

Снова вышел во двор. Больше никого не завел, только прочел объявление на стене подъезда, где сказано адрес прививок. Прочел – пригорюнился.

Не судьба: «При себе иметь животное».

- Не слышу тебя.

Гул нарастал. Крещендо билось стуком колес и скрежетом шпал. Мутило от звуков, лицо расплывалось белым в рамке окон. Прислонилась к стене затылком, отчего под глазами почернели мешки: уходи!

- Не вижу тебя!

Это ложь. Каждый раз ложь. Не стоило облизывать пересохшие обветренные губы, кусая по краю. Ты разве не знала, что нужно обвести их красной помадой.

- Не чувствую тебя!

Чиркнул миг и его нет. Или есть?

Ты тут и уже не здесь.

Свет проносится мимо. Но тьма не побеждает.

Редкое мгновение отчуждения и абсолютного единения с

природой.

В нем нет смысла. В нем нет ни капли фальши.

Это победа.

- Ладно...

Она подошла к окну выглянуть на улицу, хотя знала, что надо бы позвонить.

Подойти к окну было привычкой. Ночью, когда падал неторопливый, мягкий, почти неслышный предновогодний снег, они вдвоем вставали у окна и, прижавшись тесно друг к другу, и любовались вместе на сказку за окном.

За годы совместной жизни это стало традицией — настоящей семейной традицией, о которой не стоило рассказывать друзьям — слишком много ненужных вопросов.

Она все еще мечтала написать об их жизни роман. Первые годы даже писала — мысленно. Потом течение мысли замедлилось, истончилось. Потом... отошла от окна за старым бабушкиным платком... когда роман превратился в драму для обоих и хоррор для нее, слова сами складывались в предложения, а те образовывали абзацы, страницы.

Она помнила их наизусть, не записывая. Несколько лет «перечитывала» по памяти.

А сегодня, увидев за несколько дней до Нового года тот самый, «их» снег, она забыла все те слова и бывшие смыслы. И впервые смогла подойти к окну.

Отодвинула занавеску, открыла узкую часть окна, чтобы вдохнуть, ощутить свободу.

Зачем-то глянула вниз.

- Ладно...

Они сидели на сиденьях для инвалидов и стариков.

Она знала - пусть и молода, но так некрасива, что сама юность не делала ее счастливее. И она цепко держала под локоток ухажера, пытавшегося встать перед входящими стариками.

Он облегченно вздохнул ее непозволению: видишь, Господи, это она дала мне яблоко, и я его ел.

А все же мельком оглядывался, боясь скандалов, и в тех взглядах я угадала, что он человек в общем- то неплохой. Из тех, кто сможет прожить жизнь без особой подлости.

Если только ситуация не подвернется.

КУПИ РАСЧЕСКУ ДЛЯ АНГЕЛЬСКИХ КРЫЛ, ТЫ ЖЕ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБ ОНИ ХОДИЛИ РАСТРЕПАННЫМИ.

УКРАДИ В АПТЕКЕ СМЕЛОСТЬ – ОНА ПРИГОДИТСЯ ДЛЯ ЭТОЙ СХВАТКИ.

ЗАВЯЖИ УЗЕЛОК НА КАНАТЕ – ТВОИ РУКИ МУДРЫ И ПРЕКРАСНЫ.

ПЕРЕКРАСЬ ЛИЦО В ЦВЕТ ПРОСЫПАЮЩЕГОСЯ

НЕБА – ОНО ПОДАРИТ ТЕБЕ ТВОЮ ДУШУ.

НЕ СДАВАЙСЯ, БУДЬ СИЛЬНОЙ – КАКОЙ БЫЛА КОГДА-ТО. ТЫ ПРОСТО ЗАБЫЛА ОБ ЭТОМ.

Он загнал барашка в ящик и достал из-за розового куста лопату, пилу.

Был поздний вечер, он весь день работал.

На вечер же оставалось самое главное: выполоть баобабы вычистить планету.

Он делал это каждый вечер. В любом состоянии, при любой погоде.

Над ним издевались, его высмеивали. И, конечно, никто никогда не встал рядом на прополку, считая ежедневную уборку планеты его блажью. Пустой прихотью.

Ни один человек не подозревал, что выкорчевывать баобабы непросто, потому что это отнимает у него последние силы.

А он не мог, не имел права сойти с этого пути, где ему приходилось делать планету чище. Хотя бы чуть-чуть.

- Я смотрю на небо, смотрю на грязь улицы, смотрю на голые деревья, одиноких прохожих - маленьких, копошащихся человечков, на дома с почти всеми темными окошками.

Смотрю, смотрю, смотрю...

Сначала бесконечно сопереживаю каждому, потом немного переживаю выборочно, дальше ничего не чувствую, а потом - вдруг - вот он, предел.

Я отталкиваюсь от опоры, расправляю крылья и лечу, лечу.

- ЛЕТИШЬ на белых, пуховых?

- Как придется.

Но почему только когда наступает предел контроля, когда проходишь по тонкой красной линии, когда всего ничего до переступить черту - это просто кино?

И все же каждый раз лечу, потому что ноги кровоточат так, что нет никакой возможности сделать и шагу по тысяче кинжалов.

Даже ради любви.

Ноги обмотаны какими-то тряпками, грязные белые колготки, из дыр вываливались синяки и ссадины. Подмышкой она тащила здоровенную пачку, устало мотавшую в такт шагу перьями. Сказка о балете кончилась в 7 лет, когда мама отправила ее в воронежскую балетную школу. Даже при миниатюрности остальных девочек ее прозвали недоноском.

Покой она находила там, где лестница смыкалась с запертой дверью на чердак. Забиваясь в самый темный угол, вжимаясь в стену, она мечтала стать толстой, хромой, одноглазой и глухой.

Стенка гостеприимно «приоткрывалась», а там сосны качались под ветром, море было таким соленым, что скукоживало пальцы. Ветер расплескивал песок по ее коже, а рядом стоял стол, на котором громоздилась гора пирожков и блюдо с пирожными.

Она не слышала звонка, за что частенько бывала наказана, зато ей, наконец, удавалось поесть. Хотя бы в мечтах.

Ты переживаешь невозможность.
Невозможность расплзается внутрь и вширь:
невозможность понять и принять,
она же – делать или не делать,
с нею же – сопереживать и быть вовлеченным.
В телевизоре мелькают красные и желтые формы игроков.
На экране – пустошь одиночества,
за стеной плачь и горечь разочарования.
Ты не хочешь верить в сарказм истории,
ты не веришь, что соседке можно помочь,
а экран пусть останется на своей совести.
Невозможность свистнула в свисток судьи.
Призы остались нерозданными.
В копилке души осталась боль.
Завтра ее назовут опытом.

Этюд не всегда в ночи
В ночи не всегда этюд
Не всегда

Она сидела в темном коридоре на сундуке, покрытом домотканой дорожкой. За дверью. Обездвиженно. Казалось, безэмоционально, на самом деле - сосредоточенно.

Ждала – прислушивалась - снова ждала. Не плакала. Плакать можно будет позже (доктор Даль не стал скрывать правду), сейчас было время ждать.

Он не велел пускать. Из милосердия к ней. Зачем ей такое милосердие, когда она не может быть рядом. Скорее всего, не хотел, чтобы она видела его страдания. Из проклятого мужского эгоизма. Или все же из любви к ней?

Ей хотелось бы знать ответ, хотелось пробраться в комнату и вытрясти из него ответ на этот свербевший в голове вопрос: почему он не пустил ее быть с ним рядом? Проститься. Простить.

Наталья Гончарова была лишена этой милости и малости. Настало 29 января (10 февраля) 1837 года. Пушкин умер

Утром зазвонил колокол.

Его не было слышно много месяцев, может и лет. Раньше бой с колокольни доходил по реке, по низине до каждого до-

ма. Потом дорогу звуку преградили шатры для свадеб, похоронная контора, пара каменных домов местных феодалов. А несколько лет назад и вовсе поставили-соорудили площадку для концертов и дискотек. Саунд-чеки с утра, выступления и салюты вечером. Колокол исчез. Не сам – исчез его голос.

Впрочем, это стало понятно только когда он зазвонил чистым, ясным, ровным звуком. Очень обыденным, но от этой обыденности, значимым баритоном. И от этого счастья услышать колокол стало тепло, радостно.

Будто вернулось детство.

Будто еще все было впереди...

- А вы – кто?

Это был вопрос на все 33 оставшихся в кармане доллара.

Как ответить прямо? Как признаться – кто ты, если осознания еще нет? Потому что даже в зеркале ты не видишь ответа. Потому что, оглядываясь, привычно не замечаешь тени - она отправилась без спросу сражаться с Драконом. Конечно же со своим, оставив тебя наедине с твоими тенями и драконами. И между двух кленов.

Впрочем, если хорошенько подумать, кто возьмется утверждать, кто скажет наверняка, что 33 доллара равны 33 сребреникам? Кто докажет это?

И в этот момент понимания ты даришь себе надежду, что еще не все потеряно. Не потеряно. Но даришь не ты.

Вход все не кончался. Это не был коридор, именно вход. Он тянулся как жвачка, пока не оборвался резко, на вдохе – заболело сердце, неожиданно ударившееся о страх.

Комната была полна людей, кажущихся знакомыми незнакомцами. Вроде бы родственники, но явно чужие, впервые увиденные. И в каждом нужно узнать – кто это.

Он постоял возле одного и ничего не почувствовал: пусть остается тут, в отстранении – как тетя по отцовской линии, которая вроде всегда была в его жизни, но, по существу, никогда в ней не присутствовала. Вот мама и отец. Они давно не вместе. Встречаются порой за телевизором. Отец, не глядя, протягивает руку за тарелкой, ждет, пока мама положит салфетку и приборы, без которых не он начинает есть, при этом спокойно берется за ложку, не дождавшись, пока она положит себе. Вот сын. Ему безумно хотелось, чтобы тот стоял ближе остальных.

Когда же он последний раз видел малыша? Лет 14 назад. Теперь этот мужчина уже не малыш, и, не желая находиться рядом с отцом, он отходит в дальний угол. Жену не видно, она старательно прячется за остальными.

Рядом, совсем близко, намереваясь обнять, встала женщина. Незнакомая. Да женщина ли это? Он знал ответ в глубине еще болящего от удара сердца. Самым близким родственником ему стала болезнь. Разъедающая, уничтожаю-

щая, неизлечимая.

Она будет ближе других, пока он не вернет нормальности в своей жизни. Не подарит сыну освобождение от обиды, а себе примирение со всеми.

И благодарность за себя.

Пупырчатыми колышками перекачивается по языку равнодушие.

Попробуйте равнодушие на вкус. Замрите, не двигайтесь телом – эта задача не для него. Пожуйте, покусайте зубами, затолкайте под язык, сглотните его горечь – все уйдет, кроме этих отвратительных пупырчатых колышков.

Впрочем, рецепт избавления существует.

Земное не должно было больше интересоваться. Оно и не интересовало, но поглощало, пожирало, растворяло в себе, оставаясь чуждым.

Разговоры выходили о высоком, наивысшем, а в голове в это время билась мысль – отчего доверенным лицом выбрали меня? Зачем мне это? Зачем чужая боль, страдания, проблемы, интересы, волнения – если я ничего не хочу знать?

Музыка вертелась в режиме единственного диска, хотя их было много в архиве. Фильмы ждали своего часа, ожидание спектакля не было ожиданием любви – просто еще одной

ступенькой в отрыве от земного, которое привязывало все крепче, притягивало ближе, засасывало глубже.

И так было страшно растерять в этом хаосе главное – Любовь.

Замечали ли вы, что слово кукла несет в себе отзвук чего-то искусственного, неестественного, чрезмерно слащавого?

Осознание этого приходит незаметно. С взрослением. Хотя нет. В подростковом возрасте ты, не задумываясь, отбрасываешь кукол, как символ всего дурацкого в детстве (хотя разрыв ужасно тяжел, но нельзя же показать это повзрослевшим подружкам. И ты не подозреваешь, что они лгут, а на самом деле ложатся в постель, укрывая под одеялом любимые игрушки).

В юности ты просто забываешь о куклах, поскольку появляются совсем другие интересы, и они кажутся многожды жизненней, насущней кукольных. Затем куклы становятся бременем. Финансовым, малометражным, уборочным: ты везде замечаешь этих ненужных, лишних, чуждых тебе дурочек и не хочешь задуматься, что у настоящих, у правильных кукол есть своя тайная собственная жизнь. Не задумываешься даже замечая, что они стоят на полке совсем не в том месте, где ты их расположила накануне.

Так что же происходит в их мире, когда мы уходим из до-

ма или с наступлением ночи? Особенно с теми, у которых большой жизненный опыт, ведь они прожили 100 лет или больше.

Прислушайтесь – они говорят и могут поделиться увиденным. Рассказать сказки или о пережитом. Напомнить, сколько маленьких или повзрослевших рук были свидетелями их счастья и горя. История кукол может оказаться совсем некукольной.

Позволь себе полюбить их.

Вечерний воздух впился потом отчаянного, истеричного, обязательного пьяничного и пятничного веселья. Люди старательно придерживались компаний, боясь затеряться одиночестве. Было душно, влажно, но морем не пахло даже на берегу: все превращалось в мясорубку судеб и жизней.

Встреча после 50 лет разлуки, которых никогда не было – ведь при самом близком знакомстве, мы не знакомы с вами. Вы были неожиданным даром: ломкий голос, чуть стеснительный – на стыке с уверенностью. А уже там, через призму темной проходной в последних световых потоках лета – мгновенно родной образ. Поворот головы, остро-птичий особый мудрый взгляд оттуда – я уже знаю его, он присущ вашему другу юности. Да-да, именно тому, который позво-

нил вам 50 лет и полгода назад.

Впрочем, не о нем, о родстве.

Таком странном. Когда не надо произносить слова, и можно говорить беспрестанно. Когда сидишь на лавочке курильной, что не мешает. Или рабочая столовая приобретает вкус ч/б кино с крупными планами, странными жестами, посторонними прохожими и взглядами. Когда теряются знакомые, понимая, что важное – и прощают тебе все.

Сумбур величия и простоты. Мне было довольно, но снова не хватает.

В другой раз все будет иначе. Не повторится.

Час 54 минуты кончились. Надо было сконцентрироваться и сделать невозможное — думать, когда в голове нет ни одной мысли. Он повернулся к окну: благо его посадили в том ряду, где видны были деревья, солнце, чувствовалось тепло.

Он припомнил синопсис. Она, ничем не выказывая нетерпения, ждала, пока любимый уйдет, чтобы посмотреть почту. Он необаятелен, но остроумен. Достаточно, чтобы с легкостью парировать шутки любимой, чтобы она не заметила, как он ждет возможности уйти: это письмо он хотел прочесть в одиночестве...

Вспомнил, но не смог себе представить. Это был экзамен номер три: «Переделайте сценарий фильма «Вам письмо» в

хоррор, блокбастер или драму». Он закрыл под солнцем глаза. В голове возникли грязные потеки московской предновогодней зимы, страшные коряги обрезанных ветвей, превращали деревья в лес, подходящий для хоррора. Но страшилку сочинять совсем не хотелось.

В этой сцене все дышало болью. Значит, драма.

Вспомнил, как гладил кота, уставившись в монитор в ожидании ее реплик. Как верил, что она ждет его ответов, кутаясь в темный платок, сжимая чашку с чаем и с неременной ложкой. Однажды она призналась, что, даже зная, что это плохие манеры никогда не вытаскивает ложку из чашки. Ей так вкуснее.

Пару лет они изредка переписываясь, не делая попыток встретиться. Они довольно хорошо друг друга узнали. Он понял, что она криклива и резка, но отважно бросается на выручку каждому. Что пишет плохие стихи, любит громко смеяться и остро, даже зло шутить. Много замечает. О себе он начал рассказывать неожиданно. Не прямо. Через чужие истории. О вине, что делал папа. О Поленове. Рок-музыке.

Когда дошли до трибьюта Кормильцеву, они стали «видеться» каждый день. Проект шел трудно, тяжело, неестественно, граничил с провалом. В первую очередь потому, что никакого отношения к стихам Ильи номера не имели. А потом случилась «Птица на подоконнике», и - все изменилось. Это тоже не было Кормильцевым, но из-за фиолетового Могилевского менялось. Она призналась, что ей даже присни-

лось, как Могила встретился с мешками одежды, которую он закупал. Посмеялись. Но выбросить из головы «Этот город слишком мал для твоей любви» оказалось невозможно.

Теперь они «встречались» каждую ночь, и с легкостью узнали бы друг друга на улице, но все еще были на «вы» и не делали ни малейшей попытки увидеться. Он чувствовал ее боль по вводным словам. Она - его состояние — по молчанию или неожиданной говорливости. По стихам, появлявшимся на его странице. Они не признавались, что стали нужны друг другу.

Он прервался, открыл глаза, посмотрел на преподавателя. Его фильму не хватало событий, неожиданных поворотов, музыки накала, переживаний, немного «Макбета». Чего, казалось, не было в их ночном сопереживании друг другу, но существовало незримо. Неподходяще для кино.

Он собрал вещи, достал сумку, сложил в нее черновик и молча вышел. Он не готов передать свое «письмо», свою жизнь в чужие руки.

- Я хочу тебе рассказать тебе всю правду. Честно - как было.

Он даже обиделся на ее равнодушный вид. На безразличие к горячим и искренним заверениям быть абсолютно честным.

Он так хотел, чтобы она поняла его, услышала. А она...

Она еле сдерживала раздражение. Слишком давно она узнала, что фраза «давай будем честными друг с другом» не значит ровным счетом даже старания быть таковыми, потому что у каждого свое видение одной и той же ситуации. Свое понимание допущения правды. И даже самый честный человек предаст свои слова, станет лукавить, чтобы подогнуть правду и честность под себя.

Поэтому ей не хотелось слушать его, чего сказать не могла: он сразу упрекнул бы ее в выяснении отношений. Оставалось молча пережить.

Она думала, что там будет хорошо. По крайней мере лучше, чем в привычном мире - поэтому стремительно направилась. Туда!

Сначала было и правда хорошо. Даже замечательно: яркий свет, красивые картины на стенах, чудные, даже причудливые запахи специй и дорогих духов. Всюду разбросаны редкие украшения. И, конечно, тепло, а она так устала мерзнуть.

Присела на краешек мягкого полотна - не чета жестким сидениям, к которым она привыкла. Погладила ткань - каждое движение будто тонуло в незнакомой нежности. Забывшись, задремала. А когда очнулась, поняла, что не знает, где она. Что хуже - как выбраться.

Было темно. Морозно. Украшения лежали все там же, но

они больше не искрились теплым сиянием - холодно, пожалуй что и грозно поблескивали на нее из своих ячеек. Наряды, брошенные на пол, пахли несвежестью и пустотой.

Стремительно бросилась к окну, но запуталась в многочисленных складках - эта ткань казалась мягкой и невообразимо прекрасной?

Рванула из последних сил, стала биться в поисках выхода...

Я пошла на резкий непонятный, хлюпающий звук: бабочка, которую я заметила ночью на занавеске, изо всех сил пыталась пробиться сквозь стекло.

Я распахнула окно пошире. Какое-то время не понимая, она продолжила сражаться с внутренними драконами. Пришлось помочь, подтолкнуть ее краем той занавески, которую она облюбовала ночью.

Лети!

Таинственной невстрече посвящается

Она.

Она почти пришла к нему на день рождения. Не зная его, принимая за другого.

Она никогда не читала, не смотрела его произведений.

Она откликнулась на его горе также, как отозвалась бы на трагедию любого другого человека.

Она добавила его в друзья по запросу.

Она потянулась к нему сердцем, душой.

Она попросила его о невысказанном одолжении. Невероятно.

Она узнала его. Ей так казалось. Хотелось. Мечталось.

Она билась за него не на жизнь - со смертью.

Ей иногда казалось, что она несет его на руках.

Она узнала тайну.

Он.

Однажды перелистывая страницы чужих слов, он наткнулся на нее. Ему стало интересно.

Он равнодушно принял ее в друзья, не отдавая отчета – зачем.

Он не стремился к общению, но она прилипла как тот самый пошлый банный лист.

Он пытался закрыться, отстраниться, она не отпускала.

Ему пришлось выполнить ее просьбу: так было проще, легче.

Он неожиданно услышал и полюбил ее.

Ему иногда казалось, что она несет его на руках.

Он неожиданно узнал тайну.

Они.

Они так и не встретились.

Когда она была готова, их разделяли тысячи километров.

Он мечтал был приехать за ней, она написала, что соби-

рает чемодан... в другую сторону.

Он пригласил на свой мастер-класс, не подозревая, что ее уже нет.

Она вернулась, когда он снова исчез.

Они больше не сделали ни единой попытки.

Никогда.

Сквозь окно доносился шум третьего кольца.

На кухне шумел чайник, звякала ложка о сахарницу.

Сквозь потолок (а может пол?) доносились счастливые голоса комментаторов судьбоносного матча Олимпиады.

Она прислонилась к дверному косяку, наблюдая, как в небольшой комнате, источающей узнаваемый запах скорого ухода, подслеповато шурясь, сутуловатый священник читал молитвы перед последним причастием. Особые молитвы для той, что вслушивалась в слова сквозь невыразимую физическую и душевную боль. И даже отвечала что-то.

Повернулась. Прихрамывая, вышла из квартиры. Не притворяя дверь - незачем, все равно скоро обратно.

Дошла до пары колючих в своей потасканности табуреток у лифта.

Отставила косу, отвалила от лица капюшон. С трудом нащупала костлявыми пальцами в кармане мятную конфетку...

Почти ко всему в мире она относилась равнодушно (а как иначе, если у нее и души-то не было), а все же так и не смог-

ла привыкнуть к обыденной тяжести прощания человеком с умирающим дома, в кругу самых близких.

Кинула фантик в стоящую там же банку из-под растворимого кофе, не торопясь закрыла крышку. Торопиться было некуда.

Смерть будут ждать всегда.

Здесь - еще не сегодня.

Монохромно тянулись серые будни серого кардинала.

Чтобы окружение ни о чем не догадалось, он создал идеальную картинку своей жизни. Серую, конечно.

В ней он вел серый образ жизнь в сером доме с серыми кошками (или серыми собаками?). И всему остальному предпочитал серый хлеб.

А поскольку окружению не очень хотелось задумываться, оно верило, не осознавая, не догадываясь, что на самом деле серый кардинал играет.

Не с ними - с жизнью.

Что ежесекундно он делает дело, которого никто не видит. Что без этого его делания все их дела и заботы развалились бы, не вышли.

Он испытывал бесконечное упоение своей властью, сопровождаемое, однако, постоянной досадой, что никто не замечает его работы.

Ну и усталость еще. Бесконечную серую усталость.

Злые языки поговаривали, что в серые будни все кардиналы серы. Чтобы разнообразить их (кого, что? будни, кардиналов?) эти же языки предлагали ввести 50 оттенков.

А отчаянно смелые и (или?) отчаявшиеся даже шепотом намекали о черном. На черный день.

«Главное, чтобы не нападАли. Или не напАдали. Все равно какого цвета». - Смеялся улыбкой небесной радости серый кардинал».

Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп, плюх. Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп, плюх

«Собака женского рода драная», подумала я, еще не до конца проснувшись, но догадываясь, в чем дело.

Я лежала, а звуки повторялись: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп, плюх. Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп, плюх

«Собака женского рода», снова зло подумала я о соседе этажом ниже, который в пять утра расположился играть в комп на условной прохладе у окна. Почему женского рода? Не знаю, просто подумала.

Меж тем звуки не прекращались.

Поняв, что заснуть не удастся, встала попробовать посмотреть, где он там (прекрасно понимая, что не увижу, но лежать не было сил).

Посмотрела и легла обратно.

Под окном нагло орали птицы. Честно говоря, я впервые

слышала, чтобы они подражали звукам, которые издают клавиатура или джойстик во время их активного использования.

Видимо ИИ научился договариваться даже с пернатыми.

Руки сломались на пол возле собранного чемодана.

- Не уезжай! - Какая глупость молить, когда знаешь о неизбежном.

Она грустно, немного нервно улыбнулась: бессмысленно уговаривать.

Собрала ошметки души в совок. Подошла к зеркалу приколоть булавкой шляпку и боль.

- Очаровательна, - отозвалось зеркало.

- Прощай. Не вернусь.

Зеркало ехидно усмехнулось.

Что-то поразительное происходит.

За окном уже какое-то время тишина. Полная. Иногда стукнет дверь подъезда, и снова все стихнет.

Так бывает в деревне, где все рано ложатся спать, а ты с подругой засиделась, болтая - никак не могли наговориться.

И вот вы выходите на крыльцо прощаться, посмеиваясь, пытаетесь вспомнить, кто уходит, а кто остается. По босым ногам растекается холод, вы зябко поджимаете то одну, то другую.

И внезапно обнаруживаете, что остались в этом мире вдвоем.

Конечно, еще есть небо и звезды на нем. Иногда тени облаков набегают на луну. В полной тишине неслышно серебрится Волга. Да и не серебрится даже. Ты просто знаешь, что она там, перед верандой. Но не видно ее.

И вообще ничего не видно. Все окна тихо не горят.

Ничего нет. И, может быть, не будет.

Она слезла с подоконника и направилась к двери. Она так делала уже несколько раз и каждый – останавливалась - люди здесь не слишком рады, когда незнакомцы лезут в их жизнь. А еще (вполне возможно) жена знала о муже все. Но, как мудрая женщина, не предпринимала ничего. То ли от того, что верила - он ее любит (а это куда важнее сиюминутного), то ли боялась одиночества.

Дождь тем временем перестал и крыши мгновенно просохли. Это ее тоже всегда удивляло: надо же было придумать такую конструкцию, чтобы вода скатывалась вниз, не заставляясь. Не то, что у нее дома.

Присела на ступеньку, ведущую на второй этаж, где была спальня с люком в крыше. Дурацкая несуразность квартиры умиляла, а неухоженность раздражала. Огляделась - уже давно пора собираться, а все не хочется торопиться.

На этот день были запланированы неожиданности. Так

случилось, что планы менялись в одночасье, поэтому день ничегонеделания и одиноких неожиданностей был ценен своей непредсказуемостью.

Тем более, что самое главное уже было исполнено.

Разве поздним вечером ты ждешь кого-то в дом? Ты уже почти лег спать, когда грохот тяжелого ботинка о фанерную дверь распластал, пригвоздил к месту. Ах, был бы полицейский боевик, достал бы из-за спины пистолет, а так всего лишь шепотом подкрадываешься к сотрясаемой двери и долго вглядываешься в глазок. Там мутно. Потом развиднелось – оказывается ты всматривался в спину серого пальто. Повернулся. Усталый глаз, слегка щетина, дорогой шарф - приличный человек.

Не дожидаясь новой порции ботинка, ты открываешь дверь. Щетина с глазом и шарфом, не прикасаясь к тебе, одним взглядом отодвигает с прохода твое тело. Ты идешь следом, но он уже выбрал место на диване рядом с твоим, поставил рядом второй стакан, достал виски, молча включил телевизор, затем проверил твою почту в ноутбуке.

Когда ты лег спать, он постелил себе на второй половине кровати, куда ты никогда не переползаешь даже во сне: она была приготовлена для особого случая, которого все не случилось.

В молчании вы прожили несколько лет. Ты звал, кричал,

пытался выгнать его или вызвать полицию, он никуда не уходил. Он просто был в твоей жизни - постоянно, ежесекундно. Ты никогда не знал, что он думает о тебе, твоих друзьях, ты ничего не знал о нем.

Но однажды ты вычеркнул его из списка друзей во всех соцсетях, и он исчез. Навсегда.

Заблудилася. В ледяном бездорожье, каменном удушье, тоске сердечной, суме заплечной, в думе тяжелой – принесении в жертву.

Не осталось. Надежды на силы, любви без ответа, красоты безмятежной, веры в премудрость.

Заплеталася. Перекрестком в распустье, воспоминанием в чудо, Вакхом в Софокла, тройками в кости.

Потерялася.

Он чувствует: сердце пронзают разряды сладко-острой боли. Будто электрический скат, мягко поглаживая, необратимо подбирается, нацеливаясь на неминуемый укол.

Он знает: едва отвернешься, зазеваешься — пропустил. И жаль и не жаль одновременно.

Он станет: пробираться на ощупь сквозь шипы и колючки, держать удар невидимого фронта понимая, что она готова вырваться, освободиться, уйти.

Страшно боясь этого, он примется вести себя как подонок и хам. Усугубляя ситуацию, увеличивая ее ненависть и презрение, ускоряя ее шаг в противоположном направлении.

Трещины по стеклу истончались в боль.

А так мечталось, чтобы это был морозный узор.

Преобразование природы в бесчувственное происходило на глазах. Сначала стол начинал раскладываться вдвое, вчетверо, затем на нем просыпалась в чашке та самая Соня, укоризненно смотревшая на Мэри Попинс. Она решила передохнуть за чашкой безумного чаепития, пока Пэппи Длинныйчулок не обнаружит в своем ботинке щенка из варежки голубого шелка.

Блестящий сказочный мир печально и укоризненно уставился на него: в то время как все кругом сверкало, фантазировало и фонтанировало, он железел как Железный человек, глупел как Страшила без мозгов, черствел как дядюшка Скрудж и каменел как Петер, продавший сердце голландец Михелю.

И все же не верил в сказку.

Лента выпускника была небрежно смята и едва не воло-

чилась по земле. Дорогие ботинки, костюм с неудобным галстуком-бабочкой.

Он был слишком хорош, слишком свободен и очень растерян - этот мальчик, идущий мне навстречу.

Вот он - целый мир. Свобода! Возможность делать что хочешь. А ЧТО ЭТО? Чего на самом деле хотелось бы ему сейчас, да и в будущем? Куда проще за партой, где, несмотря на дурацкие уроки, придурков-одноклассников и тупых учителей было все понятно.

Отсель ждала неизвестность.

Удачи тебе, мальчик! И всем остальным детям, кому совсем скоро придется принимать решения.

Искусство Жизни

Искусство жизни — отдавать больше, чем брать.

Отдавать, не ожидая обратки.

Уметь видеть, желать слышать не себя - других.

И это качество жизни не наносное. Наверное, этому можно научиться, но по большей части оно — внутри. Надо только приложить усилия достать его из себя.

Я сказала, не ожидая обратки? Поразительно, но так ты получаешь сторицей. Каждый раз. Становясь бесконечно богаче.

«У вас такая активная лента», - вы как-то сказали. Я согласилась. Но сейчас я думаю, что мы не лента. Мы - армия.

Не случайно нас опасаются порой, что уж скрывать.

А знаете, эта армия состоит сплошь из генералов. Наверное, когда-то давно мы были солдатами, а теперь - раз - и генералы. Но мы отлично уживаемся. Есть секрет: не давить друг друга по мелочам, если едины в главном.

Среди нас на первом месте заведомые ангелы (они иногда заводятся даже в родных семьях). На них сложно равняться. Невозможно. Недостигаемо. Но эти ангелы все одно в генеральских мундирах.

Есть умудренные опытом. И это тоже недостижимо, если не дано. Обожаю их волшебные, лучащиеся разумом глаза.

Остается третья часть войска: тяжеловесные, громогласные, резкие бруталы. По ночам, да нередко и днями принимающие исповеди, выслушивающие рассказы о чужой боли, наносящей нам маленькие смертоносные уколы. Наши орден держатся на нашей спекшейся крови, только мы никому никогда в этом не признаемся.

Эта армия имеет безукоризненную репутацию. Под нее собираются миллионы на лечение, выкупаются люди из долговой ямы, обновляются библиотеки в самых небольших деревнях, делаются операции, восстанавливаются больницы, содержатся дома престарелых... Генеральский список бесконечен.

А мы просто живем. Наслаждаясь истинной красотой мира.

Иначе ты – как поет Muse - Dead Inside (мертв внутри).

Они умудрялись казаться кричащей толпой, оставаясь в молчании уединения. Они изрыгали ненависть, уверенные, что все освещает любовь. Они мечтали о переменах, но даже не зашли на сайт Спортлото. Был вечер, но не было ни утра, ни другого дня.

Они жили ночью.

А надо было варить малиновое варенье.

Ты, говорит, не права, что не пишешь.

Ты, говорит, массовое сознание будишь. Взываешь. Вроде как совесть.

И я представила.

В одном небольшом городе, где проживало массовое сознание, появляется совесть и начинает это самое массовое сознание будить.

Честные жители города, у которых отросло толстое и крепкое массовое сознание, больше не могут спать спокойно: им нужно как-то успокоить совесть. А лучше выгнать ее.

Совесть просыпается по ночам. Она ломится в каждую дверь, кричит: сделайте что-то, измените жизнь к лучшему. Свою жизнь, не мою! Массовое сознание крепко спит.

Утром массовое просыпается. Видит, что совесть снова набуянила. И — снова засыпает, чтобы ни о чем не думать.

Потому что город привык жить именно так. Потому что совесть ужасно мешает массовому сознанию.

Мешает спать.

Наверное, с амнезией также: мгновение — и ты освобождаешься от состояния пустоты. Миг- и веером начинают раскрываться воспоминания, события торопятся вылезти одновременно. Они топчут друг друга наскокивают, друг на друга. Отталкивают, отпихивают, машут руками, кричат. Ты наблюдаешь.

Только наблюдаешь...

Она вернулась в раз. В одну секунду. Даже не верилось, что ее возвращение почти что ощущалось физически. Она то ли заслонила собой космос, то ли открыла, распахнула его заново. И принялась менять мир крупными мазками, с шероховатостями кистью по дорогой бумаге. Ее можно было пробовать на ощупь, катать во рту вкус, проталкивать вглубь, в горло...

Почему именно сейчас - невозможно сказать.

Просто вернулась Любовь.

Мерзость подло подлавливала в момент слабости. Она терпеливо выжидала в засаде, и когда слабость теряла контроль, нападала. Результат был всегда одинаков.

Слабость сначала подрагивала кончиком хвоста. Затем топорщила усы и подымала шерсть на загривке. Глаза становились изумрудами. Затем слабость начинала помахивать лапой перед мерзостью. Пока еще с упрятанными когтями.

Молниеносное движение, когти выскакивали и мерзость мерзко хохотала над царапинами своего кафтана. Разве не смешно? Ведь должно быть смешно. Просто обязано.

И тогда слабость расчехлялась на всю катушку.

Мерзость презрительно и довольно постукивала копытцем по плитке, хвост из-под длинной юбки выщелкивал искры серы. Исключительно довольной она покидала поле боя.

До следующей битвы, исход которой ей был известен заранее.

Любовь. Все кругом говорили о любви. С облегчением. С надеждой. Безысходностью. Отчаянием.

Ночью красная луна сыграла жестокую шутку. Бывшие тому свидетелями заговорили на всех языках о страшном, запричитали-заворковали, намекая на знание. Пугали то злодейкой, то умеющей косить. Клеветали на журналистов – дескать, от них все зло.

Журналисты зло смеялись. Зло смеялось над клеветниками. Круг пытался замкнуться в солнцеворот. Тот упорно сопротивлялся. Все это грозило завалом завалинки.

Пришлось срочно вытаскивать Нарсил из камня. Заточить

Эскалибур вместе с Ангрисом. Любовь опиралась на них, прихрамывая. Ведь любовь не означает добра. Даже с кулаками.

Разве вам не сказали?

Сказка «Золушка» уселась плотным задом в повседневность. Принц отказался от трона ради того, чтобы гонять на саночках. Другой принц отказался от трона, чтобы жениться на гимнастке. Принцесса выбрала в мужа повара, княгиня в загранице волнуется, кто ляжет в ее московский склеп.

Полно, княгиня, вы же сама самозванка и получили как раз по чину. Скорее жаль те санки и того тренера или повара, мечтавших о сказке «Золушка», не подозревая, что играют второстепенную роль в «Голом короле».

Это дождь.

Прислушалась. Тихо.

Вышла на улицу, растопырила руки - ничего.

Только вчера она думала - почему дождь символ очищения? Ведь есть дождь, приносящий потоки грязи, уничтожающий живое, сметающий на своем пути ценное. А бывает дождь - подарок урожая.

А если с солнцем, так и символ счастья.

Или горьких слез потери.

И совсем редко - как сейчас. Стоишь между потоками и - ничего. Такой у нас дождь.

Зашла в дом, собираться спать, а на улице настоящий ливень.

Снова вышла. Ничего: пока она шла, дождь уже кончился.

К чему такой дождь? Что означает?

Разве что почти зима.

«Завтра к доктору оденусь потеплее. Наверное, вторую футболку», - подумала она.

Зашла в дом, отвернулась от дождя.

Все случится завтра. Или никогда.

UPD. Написано до начала дождя.

Прошлое решило слегка попрыгать, да не рассчитав сил, проскакало настоящее. Так что теперь не сбыться сокровенным мечтам, на их месте поселились другие. То ли из будущего, то ли из чужого настоящего.

Впрочем, ноги завернуты в бинты, живот в броне и готов к чужим приключениям. А они задерживаются до необъяснимого.

От маршеобразного к строевидному человеку ты проходишь незримую границу. Штамп в паспорте ничто перед разностью тощего и толстого.

Ты мгновенно проникаешь в отчужденность потуграничных земель. И им никогда не стать одним целым.

Да и не надо.

Слезы мужчины - одно из самых сложных и важных переживаний, которое было подарено мне в жизни. Позволить себе плакать может только очень сильный мужчина. А если он плачет при женщине, значит доверяет ей.

Черные потоки дождя в темноте бились о черный асфальт и о куртку. Тоже черную.

Люди забились под козырек остановки, прятались под узким навесом метро. Хмурились на табло, не способное определиться, сколько осталось до прибытия автобуса.

Темно-синий пакет не слишком отличался от черного.

Свет был внутри.

- Вы предали меня!

Они частично обернулись на вскрик, но тут же пошли дальше. Будто никому говоря:

- Какая чушь! Что она вздумала городить. Предательство? Что такое вообще это предательство? Разве кто-то может сказать наверняка?

Она перестала слушать. Подошла к окну. Подоконник слишком высок и слишком узок, чтобы сесть на него. Опять ее действия неуместны. Окно было странно похоже на то, что в школьном коридоре, возле которого толстая, некрасивая, никому неинтересная девочка провела все перемены с книжкой.

Иногда она выглядывала на скат крыши второго этажа, мечтала вылезти из окна и лечь там, смотря в небо. Но не осмелилась даже открыть щелку. Иногда оборачивалась в коридор, где одноклассницы занимались своими делами.

Редко, в крайнем случае, они звали ее. Когда им совсем было нечем себя развлечь, или надо было заменить кого-то из временно выбывших по болезни. А она, она каждый раз верила, что ее зовут по-настоящему. Как тогда говорили «взаправду». И каждый раз было больно от предательства, которое и предательством-то не было.

Годами. Так продолжалось годами. Почему она решила, что сейчас что-то изменилось? Разве она перестала быть той толстой некрасивой одинокой девочкой с книгой у подоконника? Почему же должны измениться они?

Надо было всего лишь достать книгу. Ту самую. Единственную, которую она читала годами.

- Ничего не бойся, - говорили они, не догадываясь, что ровно с тем же равнодушием другие нашептывали: «Бойся!»

Не подозревая, что методы убеждения у них одинаковые. И что в 1926 году так же опасно, как в следующие сто лет.

Помнишь ли мой дорогой друг, что во второй части книги о Мэри Поппинс (кажется, она называлась «Мэри Поппинс возвращается») в семье Бэнксов появляются двойняшки? К ним-то и прилетает Мэри.

И оказывается, младенцы не только слышали птиц, у них была возможность разговаривать на птичьем языке. Была. А потом прорезались зубы, и они забыли об этом таланте.

Взрослея, люди забывают, что важнее всего для них свобода понимать язык птиц.

Луна была похожа на лимонную дольку.

Помнишь, в детстве были такие мармеладки в картонному тубе – в виде обсыпанных сахаром апельсиновых и лимонных долек?

Вот и луна Кажется, куснешь – и она брызнет соком, обдаст кислым язык, небо, гортань.

Но чем дольше я мечтательно смотрела на конфетку из прошлого, тем яснее становилось – это профиль женской головки, которую обвивают белокурые волосы. То перистые облака струились нежными прядями, даря простенькому виду из окна сияние фантазмагорической картины.

Кто-то разделил луну пополам и, оставив висеть лишь одну часть, выкрасил ее в насыщенный красный цвет.

Под этим странным полукружьем Земля обросла фантастическими замками причудливой формы красно-черного цвета. Казалось, неутомимый чужак-архитектор разбросал свои диковинки по всей планете.

Их хотелось рассматривать, от них невозможно было отвести взгляд и в то же время хотелось отвернуться и навсегда забыть об их существовании. Мне еще предстояло узнать главную тайну: осмелившись показаться кому-либо, они забирались внутрь этого человека навсегда.

Поздно.

Он любил и ненавидел ее. Любил прозрачную хрупкость, которая превращала его в защитника слабых, красивых и нежных. Любил восторженные взмахи тонких рук, когда она пересказывала события. И то, как она восторженно смотрела на него, обещая не разлучаться навечно.

В эти мгновения он начинал ненавидеть ее, зная, что она обманет, предаст. Помимо этого, его, признаться, изрядно раздражал дребезжащий голосок, которым она произносила эти слова и трепещущие, гнущиеся во все стороны с одинаковой ловкостью пальцы. Пальцы, пожалуй, раздражали

больше лживости звуков.

Она так сильно любила его! И в то же время ненавидела. Любила за жертвенность и самоотдачу, за решимость бороться за нее до конца, наплевав на условности. Любила негромкий голос, которым он отдавал ей команды. Господи! Как же она ненавидела эти тихие, не позволяющие сомневаться, кто главный, команды!

В такие мгновения она начинала мечтать о том времени, когда наберется сил и сбежит от него, вырвавшись из липких сетей его ненависти-любви. Сбежит, как это сделала мать. И ненавидела. Зная, что никогда не сможет уйти от него.

Вместе они будут вечно.

Болит, болит, болит. Ты читаешь, читаешь, читаешь, а оно болит.

Болит, болит, болит. Ты лежишь, а оно болит. И на правом боку болит, и на левом. И даже на спине болит.

Болит, болит, болит. Ты думаешь, а оно болит. Думаешь, о том, что читаешь. Думаешь, что на спине тоже болит.

Болит, болит, болит. Ты читаешь, читаешь, читаешь, а оно болит.

Болит, болит, болит. Пошел ходить, а оно болит. Медленно идешь, быстро. И даже когда сядешь, тоже болит.

Болит, болит, болит. Ты пишешь, а оно болит. Пишешь о

том, что думаешь, что, когда сядешь – болит.

Болит, болит, болит. Ты бросил читать. И не читаешь, не читаешь, не читаешь.

Болит, болит, болит. От прикосновения пальцев к клавиатуре болит. И от невозможности обнять болит. И от нелюбви тоже болит.

Болит, болит, болит. Думаешь ходить, ляжешь любить, сядешь писать, а оно читает, читает, читает. И болит.

Депрессия. Миллионы противостоят ей, борются изо всех сил днем. Но чаще она накрывает ночью, когда человек обезоружен, измотан событиями дня, а душа и тело ждут передышки. И тут приходит она. Серая, унылая, отвратительная. Приходит и высасывает последние силы.

От депрессии не помогают лекарства или специалисты, не спасает загруженность или расслабленность. Ей плевать на чувство ответственности, на боль, страх и отчаяние. На то, молода жертва или стара. Она приходит, садится туда, где прячется сердце и ввинчивается внутрь, опутывает части тела, обволакивает сознание.

Депрессия – идеально продуманная программа подавления силы воли, жажды жить, стремления узнавать. Это жуткое ощущение, что все двери открыты настежь и, одновременно, заперты на замок.

Спасает только свет. Зажженная свечка за завтраком, оранжевое пятно дурацкой чашки на столе. Светящийся под лампочкой апельсин. На самом деле даже разговор о свете, мысли о нем пугают ее. И она отступает, побежденная. До следующей ночи, но новой битвы. До победы.

Моей победы над тьмой.

Ключья тумана соединялись с дождем и, опускаясь, превращались в грязь сами и пачкая все вокруг.

Грязные потоки стекали по фонарям, размазывались мутной пеленой по стеклам припаркованных машин. Под грязью на лавочке исчезло едва заметное светлое пятно недавно обнимавшейся парочки. Собачки брезгливо пытались стряхнуть грязь с лап, но это им не удавалось, они только брызгались во все стороны.

Что хуже, практически мгновенно грязным стал последний отрезок непройденного пути.

Выбора был невелик: двигаться, пробиваться вперед или ждать, пока грязь засосет в бездну.

Решайся.

Осенние цветы – нежные, тонкие, ранимые, гордые и дерзкие одновременно.

У нее по случаю оказался такой букет – осенних цветов.

Утром выходя на кухню, она любовалась им и чувствовала себя немножко счастливее. Потому что от красоты ей всегда становилось лучше – вот как сейчас. А лучше – это уже немало.

- Господи! - Просила она. – Не дай им засохнуть раньше времени. Я постараюсь не забыть и доливать им водички, буду обрывать ветшающие кусочки. Только продли эти дни счастья.

Глядя на нее, Господь улыбался, позволяя цветочкам жить.

Так много и так мало.

Отчаянно хотелось водки. стакан. Она не пила даже стопки, все больше хорошее вино – бокал. Хотелось водки - не до изысков.

Первые связи рвались болезненно: внезапно люди стали делиться на свой круг и тех, кого туда не принимали.

Ее принимали. С оговорками, экивоками, но всегда и везде. Порой тонкие ниточки натягивались до исступления, а затем внезапно рвались, нанося болезненные удары - будто резиновыми жгутиками - по сердцу.

Сердце грозило не выдержать, а потом закалилось, заматерело. Да и разрывы стали пустяково-смехотворными. Люди с такой скоростью отрекались от самих себя, что ниточки превратились в пучки и почему-то не было больно. Связи

просто исчезали, пока, наконец, не остались самые прочные. Порой со странными персонажами.

Тем не менее они держались друг за друга изо всех сил, понимая, что в одиночку не уцелеть.

Из них образовалось братство, тайно обрученное с Любовью.

Это была лишь передышка. К такой боли она не была готова.

Свет зажигался ровно в 11. Всегда. Не нужно было «сторожить» или задерживаться – время казалось незыблемым. Чтобы не происходило в мире, ровно в 11 лоджия 10 этажа дома напротив заливалась светом.

Впервые она заметила это, сменив привычный стул на другой, что стоял сбоку от круглого неудобного низенького стола, который она ненавидела. Вяло перебирая каналы телевизора, уже хотела вернуться в комнату, как вдруг на кухне стало светлее.

Недоуменно пожав плечами – зачем жечь столько света, ушла, а когда вернулась снова стало темно. Эта забавность несколько раз повторилась, прежде чем она догадалась, что нечаянно подсмотрела чью-то привычку, больше напоминающую ритуал.

В ее жизни это ничего не меняло.

В Москву пришел хамсин а-ля рюс. Небо плотно затянулось серой мглой – солнечному лучу даже нечего пытаться пробиться. Ветер зло завывает между рамами, порывами гоняет из стороны в сторону ветки деревьев, взбивает в комки украденные листики и грязную взвесь, склеивая их липкими тополиными сережками.

Народу почти нет – только по надобности. Быть битым ветром и колючей грязью небольшое удовольствие. Вдобавок (будто того мало) небо пробросило сквозь пелену редкие, но крупные капли дождя. Под ветром они превращаются в мелкие пульки и больно бьют по лицу, иногда доставая до сердца. Мне бы хотелось поменьше боли, но кто меня спрашивал.

Эпилог был закономерен, он пролился яростным, сметающим все ливнем. Мокрые ветки единственного дерева ломались окно, прося пристанища. Люди исчезли из мира живых. Потом все стихло.

Если встать пораньше – можно столько всего успеть! Но день покажется бесконечным. И к вечеру только и будешь думать, что побыстрее лечь.

Если встать поздно, в день ничего не помещается. Не больше одного дела. А ночью все никак не угомониться. То ли совсем не ложиться, то ли вообще не вставать.

Снег начался внезапно.

На шоссе она минутку, лишь на мгновение закрыла глаза.

Открыла под мостиком и, едва машина вынырнула из-под него, им навстречу рванул снег. Киношный, будто из сказочного хоррора, он стремглав бросался на машину, напал, пытался навязать свою игру.

Она не сдавалась: ее не устраивали правила. Потирая правую ладонь вверх, к мизинцу, выждала, пока не показалось солнце.

Его лучи щупальцами с шипами на концах взрывали тучные бока и выхватывали оттуда то пригоршни снега, то гроздь дождя – торопили пролиться и исчезнуть.

- Снег? Сегодня? - Спросила она, не поворачивая головы.

- Нормальная апрельская погода: снег, солнце, дождь.

Он был совершенно невозмутим. И красив как местный бог.

Она успокоено отвернулась. Какая разница, цель близка.

Над внезапным торжеством природы тихо потрескивал хвост кометы.

Годами она слышала похвалы красоте: глубине огромных глаз, обрамленных черными бровями, удивительным образом гармонирующих с цветом волос. Обворожительному изгибу губ и пронзительности скул. Замечательной фигуре,

которую украшала любая одежда. Даже тонко-печальному взгляду - под стать остальному.

Оды внешности сопровождалась восторгами умом, восхищением добротой, смирением и желанием служить людям.

Она слышала. Но говорилось это не ей. Никогда не ей.

Весна жеж.

Блики отражались в грязных дырах бетона, пятнами выводили на оконном стекле мутный узор. Тающий снег безжалостно обнажал соль земли, собачье дерьмо и груды брошенных в бесполезной бессмысленности масок. Дети играли в неумение играть под равнодушие родительского несмотря.

Сквозь то, другое и еще третья пробивала себе дорогу весна.

Она не может иначе.

Сокровенное

Сняла очки. Поставила локти на стол, оперлась на них.

Закрыла глаза: один кулачком, второй — загнутой внутрь ладошкой с очками нараспашку. Закрыла до жмурок.

Появилась девочка в желтом платье с белым подюбником. Она стояла на песчаном пляже. Позади море. Ветер шевелил юбку, она счастливо смеялась, глядя на солнце.

Еще не девушка, но тайна уже зародилась в уголках ее глаз, а губы произвольно сложились в искушение, которого она в себе не подозревала.

Девочка чувствовала себя неуверенно: будто позировала фотографу, которому она хотела понравиться больше, чем хорошо выйти на фотографии.

Появилась собака. Белая. С черным пятном у хвоста крючком. Помесь шпица с лайкой гордо говорил папа. Дворняжка — позже узнает она. Собака прошлепала по воде и неожиданно хлопнула ей лапами по ногам, оставив мокро-песчаные следы.

- Фу, Шустрик! Фу!

Девочка была рада и недовольна одновременно. Она не понимала, как можно испытывать одновременно и то и другое.

Пока она отряхивалась, фотограф ушел. Ему стало скучно.

Девочка расстроилась.

Небо нахмурилось серым, ветер подул холоднее.

Она дошла до лежака и села, укрывшись полотенцем.

- Шустрик, ко мне!

Он лег под бок. Обняв его, закрыла глаза. И увидела старушку в плеле. Локтями она оперлась о стол, закрыла глаза: один кулачком, второй — загнутой внутрь ладошкой с очками нараспашку. Закрыла до жмурок...

Сон сегодня увидела. Второй сон за долгое время запоминаю. Может надо было таблетку выпить, когда проснулась от головной боли, попробовала «переспать» - не вышло. Проснулась с еще большей болью. И вдруг вспомнила кусок. А потом и другой приложился, третий.

Будто уехать хочу. И даже уехала уже, но вернулась зачем-то. И тут гости пришли. Все больше мужчины, и один просится переночевать. «Конечно, - говорю. - Только вещи соберу да постельное белье поменяю». И второй хочет. Договорились, что они по очереди: один сегодня, второй завтра придет (ему как раз завтра и надо).

Суечусь, а в дверь Христос смотрит. И дверь почему-то с той стороны, где окно:

- Иди, - говорит. - Ты же хотела свободы. Поторопись.

Белье скомкала — в ванну бросила, а вещи: брошки, сумочки, кремы хорошие — в нелепые баулы складываю, и все остановиться не могу. Суечусь.

Оторвалась наконец от барахла, обернулась в ванну, а там потоп, и все белье мокрое, в пятнах каких-то. Ладно, думаю, найдут в шкафу чистое, а это выбросят.

Выхожу. Так ведь окно это. Как же я забыла! И гаражи под ним. А я что, я и с гаражей умею. В детстве лихо прыгала (шрам так и остался) и сейчас не страшно.

Подошла к краю крыши. Вся подобралась, только шаг сделала, а сумки враз и разлетелись по грязи на улице. Я, конечно, за ними скакнула. И снова все в грязи собираю, копошусь...

А ведь свободы хотела.

Господи, я Христосика убил! Помоги!

Да не убил, конечно. Я только пару камней нашел крест подпереть — он шататься начал. Упадет еще.

И гвозди подал, чтобы покрепче прибить руки. Гвозди все равно без дела на земле в грязи валялись.

А копье, чтобы его ребра пробить мне вообще кто-то из-за спины подсунул.

Так что снова не я. А что тебе кажется, что я — твоя, не моя проблема.

Эй, ты чего это? Обиделся? Ну и дурак! Я был уверен, что

он толстокожий, а он взял, да и умер.

Взаправду умер? Ну и дурак. Славная была шутка. Пойду-ка, пожалуй.

Просить прощения? Да это вообще не я был. Господи, спаси меня!

Он уже стоял. Казалось, ждал.

Она ускорила шаг, последние метры почти пробежала, некрасиво сдергивая с плеч платок. Но поняла, что тратит время. Бросила. Запнулась ногой за аналой:

- Простите.

- Ничего.

Начала говорить. Ей хотелось казаться спокойной — ну почему никогда не удастся? Руки-крылья нелепо раскладывались, распахивались для полета. Так ей казалось. На самом деле уродливо дергались в разные стороны.

Он склонил голову, закрыл глаза. Ей хотелось казаться хорошим. Не казаться, быть. Она сказала это почти жалобно.

Он почти улыбнулся:

- Вы и есть хорошая. Иначе Бог не...

Терла переносицу, глаза, переминалась с ноги на ногу. Слова рванули, наскაკивая одно на другое. Почему она не может сыграть в достойную женщину? Почему всегда надо быть беспощадной к себе?

Ей надо было за что-то зацепиться:

- Я придумала грех.

Он почти поднял голову.

- Не придумала, мне казалось, что это важно. Но ведь неважно?

Он молился. Ей когда-то сказали, что священник всего лишь передаточный аппарат ее грехов Богу.

Она посмотрела на него внимательно еще раз - молился.

В это мгновение она поняла - действительно неважно. Он говорил с ее сердцем.

И с Богом.

Заметив неожиданно, я собралась их стряхнуть. Оставила, пытаясь вспомнить, когда и как эти носики-вертолетки затерялись на дне продуктовой сумки. Не было ни одной идеи.

Почему-то было детство. Детство в басманных переулках, где во дворике через переулок от нашего мы обычно гуляли. Именно там на меня впервые падали с неба суховатые носики. Падали, закручиваясь винтом.

Мама, отрываясь от коляски, говорила, что их можно подкинуть или раздвоить и надеть на переносицу.

Папа шел со мной по проулку к храму, хотя, скорее, к школе. И мы хрустели туфлями по их прозрачным крылышкам.

Позже мы встретились у бабушки. Она всегда учила отно-

ситься бережно ко всему живому. Здравовалась с лесом, гладила кусты, благодарила солнце. Это было непошрое язычество, самая сущность отношения человека к природе.

И мы с ней учились не давить, не убивать, любить.

Потом я учила сына. Может быть хуже бабушкиного. Учила как умела.

Какая-то трогательная нежность к ним преследует меня неотвратимо всю жизнь.

Это называется традиция.

- Не спишь?

Она вздрогнула от резкого света фонарика в лицо:

- Смеешься?

Она так надеялась, что никто не найдет в ее домике-убежище, устроенном под клетчатым пледом. Или хотя бы как в детстве сделают вид, что не могут найти.

- Обнимаю...

- А твой?

- Они тоже. Папу уговорил сегодня. Пытался дома...

- Понимаю, они же не зря столько лет дружили. Одинаковые.

- Да... Мне...

- Мне тоже. Очень.

- Надеюсь и молюсь.

- Надеюсь и молюсь.

Дети-старички, разделенные десятками километров, они сидели, обнявшись под одним ветхим одеялом. И мечтали, мечтали.

Он догадался, едва она возникла на пороге.

- Мне бы... - замялась. - Деньги вернуть.

- Проходите. Села на краешек. Почему они всегда садятся на край стула? Почему не сядут обычно, спокойно, уверенно?

- Пишите: я, такая-то, прошу вернуть... претензий не имею.

Она, конечно же, достала очки. Armani? Он решил понаблюдать.

Написав, стала копаться в сумке. Долго рылась. Потом одну за другой принялась доставать баночки:

- Я вам...

Ему стало дурно:

- Ничего мне не надо! Спасибо!

- Это я сама варила...

Он обреченно вздохнул. Ничего не сказал. "Молодец", похвалил себя.

Он старался смотреть в бок, но все равно разглядывал.

Немного смуцало кольцо на ее руке. Явно дизайнерское. Еще очки - явно не фейк. А вот лицо потухшее - уничтоженного жизнью человека. Ему стало окончательно жаль ее.

Внезапно она резко отбросила ручку, закрыла лицо руками. Он замер от ужаса, понимая, что придется утешать. Полез в ящик стола за бумажными платками — кажется где-то валялась пачка.

Замешкался, поняв, что она не рыдает, а смеется. Громко хохочет из-под рук.

- Ой, я сейчас представила себе, как это выглядит со стороны. Пришла старая бабка и говорит: милоч, вот тебе свежих яиц из-под курочки, хлебушек сама испекла. Варенье малиновое сварила. Ты, милоч, поешь, порадууй бабку-то!

Она смеялась над собой так весело, что впервые за последние дни он улыбнулся. Он знал, что ее обокрали, помнил, что у него заболел напарник, поэтому всю неделю придется работать в две смены. Пальцы нежно погладили баночки.

- Пишите дальше! Спасибо!

Ангел-Хранитель.

Я не сразу поняла, кто этот малыш, поселившийся возле моей койки. Я не могла понять, как это его пропустили в больницу (тем более с собачкой), и почему он не уходит.

Песик, кстати, был забавный - одни мохнатые уши да здоровенные глаза (он так и называл собачку – Глаза). Не песик даже, щенок. Но он очень подходил мальчишечке чернявому в мерзкой шапке на сальных волосах.

Оказалось, Глаза ему были бесконечно нужны (или нуж-

на?). Он был настолько мал ростом, что посмотреть на меня мог только взобравшись на постель. Но иногда силенок ему не хватало, тогда он подкидывал песика, и тот смотрел - жива ли я еще.

Парниша был до безумия бойкий: если его заставляли и пытались выгнать, он страшно ругался, но уходить отказывался.

Нет, уходил. Иногда выходил на балкон, чтобы «погрешить», как это называли в моей юности. Часто. Ему было немного лет, но он дымил как паровоз.

Медсестры пытались его отучить, иногда запирали балкон, делая вид, будто не знают, что там прячется мой малыш. И тогда снова пригождался щенок. Лаять он не умел, но подвывал столь жалостливо, что дверь им всегда открывали. И они гордо и независимо (как им казалось) забирались в мою палату, где, дрожа от холода, он начинал костерить всех почему зря.

Сестры смеялись и подкармливали его, будто случайно забывая в палате бутерброды, пакетики с сухариками, печенье. Какая сама, такой и Хранитель.

Ангел-Хранитель. Часть вторая.

- Давай поговорим!

Он отодвинулся на самый край подушки, всей своей спиной выражая недовольство. Многозначительно крутил мягкое собачье ухо. Пес понимающе терпел.

- А чего ты хотел? Чего ждал? - Я не собиралась оправдываться, но отчетливо слышала мерзкие жалостливые нотки в своем голосе. Он их тем более учуял, но виду не показал.

В окно начали биться- колотья льяднки, старавшнесь ускользнуть от порывов ветра.

- Может, чаю?

Он не хотел и чаю. Но и ничего другого прямо у моей постели не позволял себе.

- Хорошо. Я не изменилась. Не стала лучше. Да, я надеялась. Но не стала. Это ведь непросто. Это не означает, что ты перестал быть хулиганом и моим Ангелом-Хранителем. Ты мне нужен. Всегда. Но сейчас особенно. Ты же слышал, сколько у меня накопилось просьб, чтобы ты передал в Небесную Канцелярию. А ты исчез. И как быть со списком чужих проблем? Ты берешься их доставить? Кроме тебя мне никто не поможет. Что ты молчишь?

Мой Ангел-Хранитель спал. Из-под шапочки-колпачка выбивались грязные вихры, карман оттопыривала картонная коробочка (надеюсь, леденцов).

Рядом сопел его вечный друг - пес по имени Глаза.

Синичка сегодня прилетела. Стала стучаться в гости.

Я онемела: сначала решила, что это воробей. Потом увидела разные цвета, шапочку. Такая забавная, веселая.

Впервые прилетела на мой 6 этаж. Прыгает по подокон-

нику, требовательно стучит, заглядывает - открывай.

Я замерла. Сажу и не знаю, двигаться ли. Сбежит ведь. А потом муж за ней пришел. Прилетел, конечно. Домой позвал. Она мне на прощанье: «Жаль, что не подружился». И улетела за ним.

И такая нежность вдруг напала. Теплая, добрая.

Потом пропала, конечно.

Вторые сутки любовь пронизывает тело острыми иглами. Протыкает насквозь. Когда кажется, что удалось увернуться от очередного удара, ее смех бьет по ушам, ее свет ослепляет. И это, пожалуй, было похуже физической боли.

Вторые сутки приходится учиться смотреть правде в глаза и, не сдаваясь, признавать свое поражение.

Поражение, обернувшееся великой победой.

Каждое счастье сопровождается чьим-то несчастьем.

Чем старше человек, тем больше пострадавших окружает его счастье...

Она сидела в кресле-качалке (вы замечали, что оно - отличное средство для накачивания пресса? Черт, в нем даже курить не хочется) и на все лады думала эту мысль.

Счастливым надо становиться в молодости, чтобы было поменьше потерь.

Либо научиться ничего не замечать - потому что счастье - личное, мое. А все остальное — тлен, суета сует, пустое, чужое или что там еще.

Она рассуждала «вообще», поскольку именно в этот момент не была ни счастлива, ни несчастна.

Странное то ли безвременье, то ли небытие, из которого следовала еще одна непростая мысль — должен ли человек быть счастлив или несчастлив постоянно .

И стоит ли то самое счастье чьей-то трагедии. Да и правила бумеранга никто не отменял.

Конечно она врала себе. Врать другим не умела, а вот себе сколько угодно. Поэтому она пыталась соврать о безвременьи. На самом деле она - была.

Настороженные. Она долго не могла подобрать точного определения их отношениям. А однажды слово само появилось в голове. И оно лучше других отображало их нынешнюю жизнь. У них троих были настороженные отношения.

Каждая прожила долгую жизнь, наполненную событиями как радостными, так и кровоточащими. И пережитьОго было достаточно.

У каждой давно сформировался свой круг интересов, друзей. И это, не считая родни. Им не требовалось лишнего, а эти отношения очевидно были лишними. Их нужно было встраивать, приравниваться, привыкать - к ним. А все по-

тому, что после пары проколов они, вместо того чтобы расстаться легко и непринужденно, забыв о неполучившемся экспромте, договорились о честности, искренности.

«Постараться не врать друг другу». Основная установка - не врать. Не то, чтобы ложь была главной чертой прошлой жизни, она - то легкая недосказанность, то молчаливое увиливание, то откровенное и наглое вранье - значительно облегчала большую часть привычно сложившихся отношений.

Теперь же приходилось не врать, что оказалось решительно невозможно, поскольку каждая чувствовала происходящее с остальными. Всегда. Постоянно. Если одна молчала, остальные не укоряли. Не ругали. Даже ничего не говорили на попытку избежать откровенности.

Они молча стояли рядом.

Как сосны позади дюн, охраняющие покой. Как сами дюны, охраняющие море. Как море - вечно беспокойное, но самое родное...

Они и не догадывались, что первая скоро солжет остальным. Уже солгала.

Литургия преждеосвященных в центре Москвы пахнет люксовым парфюмом, забрендowanными шарфами и палантинами, кислощавыми воротниками заношенных дешевых шуб и общим молчаливым воплем: «Послушай, Господи, помилуй меня!»

На эскалаторе, движемся в противоположную сторону, я увидела пожилого священника. Сердце защемило. Нет, не от облачения и креста. От лица. От глаз на нем.

Ох уж эта неизменная, никуда не девающаяся боль в сердце, когда я встречаю таких стариков. Описать их непросто. Пожалуй, главное и единственное слово – достоинство, от которого цепенеешь.

Они будто никуда не спешат, будто уже отрешены от земных проблем и дел. Никогда не лезут к лавочкам, чтобы им уступили сесть, не станут участниками подземной свары.

Их крайне мало среди мужчин, они практически исчезли в женщинах. Иногда я встречала их среди горцев, кавказцев, немного из русских или евреев. Раза три они приходили ко мне из Средней Азии.

Каждый раз у меня начинает болеть сердце – я понимаю, что только очень трудная жизнь, из которой были сделаны правильные выводы, дарит к старости такие глаза и такие лица.

Мне хочется обнять их, укрыть, защитить от остальных. Сделать так, чтобы оставшиеся дни были спокойными.

И еще больнее от понимания – не суждено. Ни мне. Ни им.

К сожалению, когда человеку много дано с него и спра-

шивается полной мерой.

К сожалению - потому что он уже сгибается под грузом этого дара (которого он не просил). А тут еще ответственность.

Можно, конечно, пытаться сделать вид, что дара-то и нет, жить самой что ни на есть беззаботной жизнью... Из моих наблюдений — именно эти люди, наплевавшие на дар, талант, возможность, самые несчастные и трудные. Но речь не о них.

Иногда обремененный даром человек взбрыкивает, пытается сбросить «награду», а потом поднимает ее и снова тащит. Тащит, сгибаясь под гнетом.

Конечно, эти люди не повторяют путь друга под копирку, у каждого свои многоточия, паузы, беды, счастье и озарение. Иногда вершина — вот она. Кажется, это уже предел. Дальше нет ничего, невозможно что-то лучшее создать обычному человеку. Как же теперь быть?

Из этой сложнейшей эмоциональной и физической точки путей, собственно, два (их вообще всегда два — вверх или вниз). Человек выбирает сам — Бог в это мгновение даже не всегда показывает расклад. Он ждет. Иногда — вариативно - по милосердию своему, из Любви величайшей, из любви близких и дальних Господь в такой ситуации посылает страшное испытание. Страшнейшее. Мучительнейшее.

Кому-то это во благо. Собственно, во благо каждому. Дальше снова выбор. Всегда — личный выбор. Помнить и сделать вывод. Или сделать вывод, что нужно побыстрее все

забыть и «рвануть трехрядку от души» как пел СашБаш.

Возможно нужно подождать, но как же сложно ждать. Невозможно порой. Рвутся удила, скачут кони с пеной на губах, приближается пропасть. И вот уже всем совершенно очевидно, что это конец и развязка. И никто не может вспомнить, где тот талант, где тот дар — одни лишь муки быть рядом с ним. Сначала кажется, что он всего лишь оступился на миг. Потом, что еще не вышел до конца из испытания.

Чем дальше, тем очевиднее, справился или нет. Если не справился, дар, талант, покидает его.

Какая же страшная и тяжкая ноша — когда много дано.

- С праздником!

- С... Ой, чуть не поздравила вас.

- День сегодня какой хороший.

- И солнышко.

- Да. Я с утра работал, еще пасмурно было. А потом...

Неужели настоящая весна пришла.

- Как бы я хотела.

- И я. Хоть люблю зиму.

- Ой, смотрите! Звезда!

- И правда! Сияет как. Одна всего.

- Одна пробилась.

- Надо желание загадать.

- Что же выбрать, у меня столько желаний..

- Надо самое главное. Самое важное. ...
- Выбрала! Я выбрала самое важное.
- Пусть сбудется!
- Пусть!

Стерла со стены паутину — оказалось, что кусочек обветшалых обоев. Одновременно обсмотрела стену на предмет покусавших меня ночью комаров: усмехнулась, вспомнив, что женщине сподручно делать одновременно несколько дел.

Подняла глаза наверх — может там. И вдруг заметила на потолке маленького человечка...

Я уехала от тебя, так и не произнеся самого главного. Каждый день собиралась и почему-то молчала. Такая глупость — мне казалось, я жалею тебя. На самом деле боялась себя. Скажу сейчас. Попробую произнести. Детка, живи своей жизнью!

Я смотрю на этого забавного человечка и совершенно не помню, как он появился там. Напоминает и Пиноккио, и Маленького Принца сразу, а все же не они. Самоотверженный, преданный, любящий, готовый всего себя отдать другим. Принести себя в жертву. Ненужную жертву. Что он там делает, как оказался? Когда?

Не помню, как пришла к этой забавной мысли. Прости, она действительно забавна в моем исполнении, потому что я никогда не жила так, как мечтала посоветовать себе. Но то-

гда - имею ли я право сказать тебе это? Теперь — безусловно. Потому что приняла. Детка, живи своей жизнью!

Человечек смотрел, как я уйду. А я действительно уходила — не зная, что ему сказать. Да что там сказать, я не могла смотреть ему в глаза, ответить за судьбу, прожитую зря.

Всю жизнь я говорю, что не вру. Особенно по пустякам. Так и есть: не вру другим. А вот себе... Оказывается, самое трудно — не врать себе. Однажды я услышала: не надо мне ничего говорить, я хочу хорошо выглядеть в своих глазах. Честная установка. Ради нее один выбирает ложь себе, другой — ложь другим. Суть не меняется. Детка, живи своей жизнью!

Вернулась. Знаю. Сказала ему об этом.

Детка, живи!

Она часто повторяла: можно убить словом. Слишком часто. Сначала - не веря. Когда выросла - принялась оттачивать искусство убийства, в котором, надо признать, достигла небывалых вершин, разя хладнокровно и наповал одним, либо парой ударов.

Что скрывать, вид поверженных жертв доставлял ей несказанное удовольствие.

С годами острота ощущений притупилась, поэтому убивать хотелось все реже - настолько предсказуемо вели себя смертнички.

Казалось, ничто не потревожит ее спокойствия. Но однажды пришло сообщение. И, умирая, она поняла, что ничего не знала об убийстве словом. Одним или двумя.

Я начинаю ходить. Быстро.

В моменты сильнейшего эмоционального потрясения и когда надо принимать быстро и максимально точные решения у меня в голове включается компьютер, вместо сердца пламенный мотор — который заводит ноги, и я кружу «в танце волков», фонтанируя идеальными решениями. Проверено.

Я застываю на месте.

Когда от меня ничего не зависит, потому что решаю не я, когда надо ждать — непонятно сколько — я замираю в любой странной позе и выжидаю момента для действий. Волк на охоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.